

Истории
о первой любви
для маленьких
принцесс

Принц
для сахарской
розы

Арина
Щеглова

Ирина Щеглова

Принц для сахарской розы

«Автор»

2008

Щеглова И. В.

Принц для сахарской розы / И. В. Щеглова — «Автор», 2008

ISBN 978-5-699-29273-8

Алжир – загадочная восточная страна... Так и кажется, что на каждом шагу тебя ждут сказочные приключения! Именно в эту страну приехали работать по контракту родители Иры. Девочка быстро нашла новых друзей среди таких же детей иностранцев. Но что же делать с арабскими мальчишками, которые всеми способами показывают свою неприязнь к поселенцам? И как завоевать внимание Венсана, красивого французского мальчика, так чудесно играющего на гитаре?

ISBN 978-5-699-29273-8

© Щеглова И. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Щеглова

Принц для сахарской розы

Глава 1

Вилла над морем

Мы вылетели из Москвы в начале холодного октября, а через несколько часов оказались в жаркой Африке. Видимо, из-за переживаний мама забыла меня переодеть, и я еще долго тихо плавилась в куртке и джинсах. Я не замечала жары, глаза на разноцветную толпу, заполнившую аэропорт.

- Мама, как называется этот город?
- Алжир.
- Нет, это страна так называется, а город?
- И город Алжир, и страна Алжир, – ответила мама.
- А почему?
- Так получилось, – мама нервничала.

В аэропорту нас не встретили, но мама нашла российского представителя, тот связался по телефону с посольством, и за нами приехал Гена. Он так и представился, по очереди пожав руки мне и маме.

Гена выглядел потрясающе в ярко-желтой рубашке и рыжем замшевом костюме, я просто замерла от восторга. Он был такой яркий, необычный, совсем «не русский».

Раздела меня мама только в машине, когда Гена вез нас в посольство. А точнее, в дом, где располагался комитет российских специалистов.

Мама стаскивала с меня многочисленные одежки, время от времени растерянно кивая в ответ на вопросы-утверждения золотисто-желтого вкрадчивого Гены. Мама ему определенно нравилась, и он переживал за нее больше, чем она сама. Смущаясь, он сказал, что мама «непреренно должна взять у него денег, ведь у нее нет, а мало ли что может понадобиться...». Я неотступно следила за ним, и Гена смущался еще больше. Мама спасла его: спокойно взяла деньги, поблагодарила за помощь и обещала вернуть, «как только приедет муж».

Я поняла только, что папе позвонили и что-то напутали со временем нашего прилета.

Гена привез и поселил нас в большом белом доме с террасой. Дом стоял прямо над морем, над обрывом. Внизу, среди густой зелени, виднелись многочисленные крыши других домов, а дальше, на темном аквамарине, в дымке стояли большие корабли.

- Там порт, – сказала мама.
- Это море? – спросила я.
- Да, Средиземное.
- А когда приедет папа?
- Завтра.

На втором этаже уже жили русские, а нас разместили на первом.

Я пробежала по темным нежилым комнатам, заставленным чужой мебелью, и спросила у мамы:

- Мы будем здесь жить?
- Наверное, – ответила мама и почему-то вздохнула.
- А мне понравилось!

Я сразу отправилась на разведку и увидела незнакомую девочку, она стояла на веранде и, перегнувшись через перила, с любопытством меня разглядывала.

Она показалась мне очень красивой в своем пышном сарафане и открытых шлепанцах с розами. Розы были как настоящие, я сразу же захотела такие же шлепанцы и сарафан. Еще у нее были длинные светлые прямые волосы и очень симпатичное личико. Девочка встряхнула головой, отбросила волосы на плечи и произнесла нараспев:

– Приве-е-ет... Ты ру-у-сская?

– Русская! – обрадовалась я.

– Меня зову-у-т На-а-стя, а тебя?

– Ира...

– Поднимайся ко мне, – предложила Настя.

Я взбежала по лестнице и подошла к ней. Отсюда море было видно еще лучше.

– Ух ты! – восхитилась я.

– Здорово, да-а? – спросила Настя. Она повернулась и оперлась спиной о перила веранды.

Она мне очень нравилась, хоть и задавалась немного.

– Пойдем, я познакомлю тебя с мамой, а потом все покажу.

Ее мама лежала в шезлонге, подставив солнцу лицо. Она казалась усталой, но все-таки поздоровалась со мной и спросила, откуда я приехала.

Потом мы с Настей исследовали участок вокруг виллы, огороженный высокой проволочной сеткой. На сетке висели чумазы оборванные «арабчата», так ее мама назвала алжирских детей, они галдели и показывали на нас пальцами.

– Не обращай внимания, – дернув подбородком, высокомерно произнесла моя подружка.

Она демонстративно отвернулась от дергающих сетку детей и сделала вид, что рассматривает пластиковые розы на своих шлепанцах. Я тоже стала рассматривать ее шлепанцы.

– Там, где вас поселили, была холера, – пропела Настя. – Всю семью увезли в больницу, – теперь она наслаждалась произведенным на меня эффектом. – Только ты не бойся, там все про-ро-дис-фи, – она запнулась, но все равно старательно, по слогам произнесла трудное слово: – Прозезинфицировали.

– А я и не боюсь, мне прививку сделали!

Все-таки Настя мне очень нравилась. Она рассказала, что учится в специальной русской школе и еще занимается рисованием. В ее комнате было множество акварелей, они висели на стенах, лежали на столе в пухлых папках и альбомах. На них я видела белые дома, белое небо с желтым солнцем и бирюзовое море. Все, как в жизни.

Я спросила у нее, почему город, в котором она живет, и страна называются одинаково.

– Это же про-о-осто, – объяснила Настя. – По-арабски Алжир называется Эль-Джазир – страна островов. В древности так называли город, потому что в море много островов, а потом и вся страна стала так называться.

– Понятно... Эль-Джазир, по-моему, звучит гораздо красивее, чем Алжир, – сказала я.

Папа приехал на следующий день. Торжествующий Гена доставил его к нам и предложил устроить экскурсию по городу. Мама согласилась и сразу же сказала отцу о долге. Гена покраснел, хотел было отказаться от денег, но мама спокойно спросила:

– Вы ведь свои деньги нам давали?

– Да.

– Так берите. Нас тут много таких. На всех не напасетесь...

И мы поехали на экскурсию. Я запомнила только, что Алжир раньше был французской колонией, а еще раньше тут жили разные древние народы, поэтому сохранилось много старинных домов – целые улицы. И еще Алжир весь белый, он смотрится очень красиво на ярком солнце.

Потом мы заехали в магазин и купили мне шлепанцы, только не с розами, а с лилиями. Ничуть не хуже, чем у Насти.

На обратном пути я прищемила себе большой палец: когда садилась в машину, папа хлопнул дверцей, а я держалась за нее. Было ужасно больно! Мама отвела меня в туалет и долго держала мою руку под холодной водой. Даже к врачу ездили, но он сказал: «Ничего страшного, перелома нет».

На следующий день мы поехали в поселок, где живут российские специалисты. Мы с Настей уже успели сдружиться, было жалко расставаться. Я боялась, что в поселке мне не с кем будет общаться, но папа сказал, чтобы я не волновалась, там много детей.

Глава 2

Контракт

Ехали долго. Сначала наш путь шел вдоль моря, потом начались апельсиновые рощи и поля. Затем дорога стала подниматься в гору, заросшую густым кустарником. Папа сказал, что здесь водятся кабаны и зайцы, а еще дикобразы.

Все-таки я не выдержала и уснула, а когда проснулась, наша машина уже стояла у невысокой каменной стены. За ней я увидела белые домики с плоскими крышами.

– Вот наша вилла, – папа показал на крайний домик справа.

– Разве это вилла? – не поверила я. Ведь вилла – это большой двухэтажный дом с верандой и видом на море.

– Одно название, – согласилась мама.

Но все-таки мне было любопытно, я выскочила из машины и побежала по дорожке, усыпанной гравием, к нашему новому дому.

Он оказался ничего себе. Мне понравилось большое крыльцо под навесом, оно было выложено красивыми гладкими плитками.

– Мама, смотри! У нас тоже есть веранда! – крикнула я.

– Сейчас, – отозвалась мама. Она помогала папе доставать из багажника вещи. Потом к нам подошли русские женщины, соседки, поздоровались, представились, заговорили с родителями.

Дул сильный ветер. Здесь было холоднее, чем на побережье. Я нетерпеливо приплясывала у двустворчатой стеклянной двери, закрытой на ключ.

Наконец папа открыл дверь, и я вбежала в прихожую. Внутри вилла выглядела лучше, чем снаружи. Особенно мне понравился большой стол и стулья с высокими деревянными спинками и мягкими сиденьями, обитые красной кожей. Комнат оказалось целых четыре! Они были светлыми, с большими окнами и каменными полами, такими же, как на крыльце. Это меня удивило. Папа объяснил, что такие полы делают потому, что здесь бывает очень жарко.

– А стены-то фанерные, – заметила мама. – Ткни пальцем – развалятся.

Женщины принялись наперебой рассказывать о том, как они здесь живут, я не стала подслушивать, пошла в свою комнату и подняла жалюзи на окне. За окном я увидела еще один дом, он был гораздо больше нашего. Правда, мне виден был только второй этаж, все остальное закрывали ограда и высокие деревья. Надо будет узнать у папы, кто там живет.

Женщины ушли, мама принесла постельное белье, и мы вместе застелили мою кровать. Потом я развесила свои вещи в шкафу и решила выйти на улицу осмотреться.

Сначала я постояла на крыльце, но ничего интересного не увидела. За каменной оградой – дорога, за дорогой огромный пустырь. Слева все тот же загадочный дом среди деревьев. Чтобы рассмотреть все остальное, надо было спуститься с крыльца. И я, наконец, решилась.

Прошла немного вперед по гравиевой дорожке. Одинаковые белые дома с плоскими крышами. Дальше, за домами, склон горы. Что же здесь делать?

Я прошла до самого конца дорожки и выглянула за ограду. Никого. Совсем было расстроилась, но неожиданно услышала, как меня кто-то позвал по имени. Оглянулась. Недалеко от меня стояли две девочки. Та, что поменьше, была в светлом платье, худенькая, с косичками и веснушками. Другая выглядела старше, она была высокой, круглолицей, с короткой стрижкой. В джинсах, красной футболке и кроссовках.

Я несмело подошла к ним и поздоровалась:

– Вы меня знаете?

– Ну да, мы тебя уже несколько дней ждем, – сообщила старшая. – Меня Юлей зовут.

– Наташа, – представилась младшая.

Я улыбнулась.

– Я так рада, – призналась девочкам, – а то вышла из дома, нет никого. Вообще нет людей! Здесь всегда так?

Юля пожала плечами:

– Я тоже недавно приехала, еще не знаю, как и что. Вот Наташа здесь живет уже полгода.

Вдруг я увидела за оградой ослика:

– Ой, смотрите, ослик! Он чей? Потерялся?

Мы втроем бросились к стене.

– Нет, он дикий, – сообщила Наташа. – Их тут много, целые стада!

– Да ну! – не поверила я. – Разве бывают дикие ослики? Я хочу его погладить!

Я вышла через распахнутую калитку. Ослик щипал пучок пыльной сухой травы. У него была серая шерсть, не слишком чистая грустная морда и смешные уши.

Наташа сказала, что на осликах можно кататься. Мы по очереди вскарабкивались на его широкую спину и пытались заставить ослика сделать хоть шаг, но у него, видимо, не было настроения. Тогда мы решили оставить его в покое.

Девочки предложили показать мне, кто где живет, я согласилась, и мы пошли по гравийной дорожке.

– Вот здесь живу я, – Юля показала на последнюю в ряду виллу.

Наташин дом оказался почти посередине. Еще я узнала, что есть и другие дети, но они все маленькие. Самому старшему, Сережке, было всего шесть лет.

«Да-а, скучновато», – подумала я.

Наташа подробно рассказывала обо всех русских в поселке. Оказывается, поселки, или кварталы, в которых селились иностранцы, приехавшие работать по контракту, назывались просто Контракт. Также Наташа рассказала о наших переводчиках, врачах, геологах, о том, кто здесь главный. Главным был «дядя Петя Ананьин», его все называли шефом, а его жену – шефинею.

Пока мы бродили вокруг домов, за нами увязалась худая длинноногая собака. Оказалось, она тоже ничья, в поселке ее подкармливают, так что она тоже считалась «нашей».

– А как ее зовут? – спросила я.

Наташа пожала плечами.

– Надо придумать ей имя, – предложила я.

Посоветовавшись, мы решили назвать собаку Серенадой, потому что у нее была серая шерсть, умная тонкая морда, и вообще, она была вся такая утонченная, немного похожая на борзую.

– Еще у нас живут два кота: Котька и Васька, – сообщила Наташа. – Котька сиамский, а Васька – барсик. То есть он обыкновенный, беспородный. А собак много, прибегают с гор, они дикие, их там целая стая.

– А кто живет там, за стеной? – спросила я, показав на двухэтажную виллу среди деревьев.

– А... – Наташа задумалась. – Там какие-то богатые арабы живут, – ответила она, – но точно я не знаю.

Я разочарованно вздохнула.

– А с арабскими девочками вы дружите? – на всякий случай спросила я.

Наташа оживилась:

– Да, пока не приехала Юля, мы дружили с Фудзией, я вас познакомлю потом, – пообещала она.

Потом мы увидели, как к воротам подъехал маленький автобус.

– Папа! Папа! – закричали девчонки хором и побежали встречать. Я постояла, посмотрела на приехавших мужчин, вежливо поздоровалась. Девчонки сказали, что они идут по домам, я тоже пошла. Мой папа был дома.

На нашем крыльце мама кормила рыжего пса. Он, захлебываясь и вздрагивая, хватал и мгновенно проглатывал куски колбасы и булки. Заметив меня, пес оторвался от еды и с заливистым лаем понесся навстречу, вращая хвостом, как пропеллером.

– Рыжий, а ну прекрати! – строго прикрикнула мама. Пес притормозил, изобразил на морде дружелюбие и, продолжая вращать хвостом, обнюхал меня.

– Привет, – поздоровалась я, – можно тебя погладить?

Пес не возражал.

Я протянула руку и прикоснулась к его голове.

– Ты смотри, соображает, – заметила мама.

Рыжий понял, что он нам понравился, и явно решил, что теперь мы – его новые хозяева.

Глава 3

Знакомство с Венсаном

На следующий день Наташа познакомила нас с местной девочкой. Она была примерно одного с нами возраста. Темнокожая, круглолицая, с двумя черными косами, одетая непривычно: под платьем из блестящей ткани она носила джинсы. Был у нее и платок, но он все время сбивался с головы и просто болтался на шее. У Фудзии оказался хриплый, словно бы сорванный, голос.

Сначала мы немного стеснялись друг друга. Но потом разговорились. Конечно, нам было трудно. Наташа немного знала по-французски, а мы с Юлей запомнили пока лишь несколько слов.

Фудзия очень обрадовалась, когда мы познакомились. Она все время расспрашивала нас, но мы с Юлей ее не понимали. Зато Наташа довольно точно переводила смысл вопросов нашей новой подружки. Мы сказали, сколько нам лет, как зовут наших родителей. Наташа от себя добавила, что папа Фудзии работает вместе с нашими отцами на руднике, а мама сидит дома. У Фудзии еще семь братьев и сестер, старшему, Али, уже пятнадцать лет. А младшему братику нет и года. Еще мы узнали, что Фудзия ходит в школу. И она показывала нам, как по-арабски пишется ее имя и разные другие слова. Она писала разноцветными мелками на каменных ступенях крыльца пустующей виллы. Получалось очень красиво, словно плетеная веревочка с бусинками.

Потом Фудзия ушла домой, она должна была помогать маме. А Наташа рассказала: когда Фудзии исполнится тринадцать лет, она станет носить чадру. Я знала, что женщины в Алжире ходят с закрытыми лицами, но думала, что они надевают чадру только после замужества. Мне стало жалко Фудзию. Надо же – в тринадцать лет нацепить длинный балахон, закрыть лицо и никуда не выходить из дома одной.

– Это же очень неудобно, – поделилась я своими мыслями с девчонками, – ни побегать, ни поиграть. Глупо!

Они согласились.

Мы сидели на теплом от солнца крыльце пустующей виллы и болтали. Делать, в общем, было нечего. Недалеко от нас резвились малыши: двое братишек Коля и Костя, симпатичный пятилетний карапуз Нурик и самый старший – Сережа. Они неумело гоняли мячик и все время ссорились. Мы понаблюдали за ними, потом подошли поближе и незаметно включились в игру. Просто так гонять мяч было скучно, Юля предложила играть в «картошку». Это когда один человек садится в круг, а остальные бросают мяч друг другу. Тот, кто в круге, старается поймать мяч, если поймает – выходит из круга, а на его место садится бросавший. Сначала мы с Юлей все время выигрывали. То есть малышня оказывалась сидящей в круге, а мы вдвоем оставались и монотонно перебрасывались мячом. Но постепенно мальчишки разыгрались. Сережка ловко подпрыгивал, хватая мяч, даже если он летел довольно высоко. Братья тоже старались. Только робкая Наташа да маленький Нурик подолгу сидели в круге. И мы с Юлей, сговорившись, решили им немного подыграть.

Мы увлеклись. Началась возня, все громко смеялись, раскраснелись, запыхались, придумывали новые правила, азартно кричали, если удавалось поймать трудный мяч.

В какой-то момент я отвлеклась, потому что заметила очень красивого мальчика. Он остановился неподалеку и наблюдал за нами. Мяч, естественно, пролетел мимо. Юля крикнула:

– Ну что же ты!

Я ничего не ответила, только кивнула ей на незнакомца, а сама побежала за мячом.

Игра приостановилась. Наши мальчишки нетерпеливо подпрыгивали.

Я подошла к Юле и спросила:

– Кто это?

Наблюдавший за нами мальчик показался мне просто необыкновенным! Он был старше меня, такой стройный, слишком светлокожий для араба, но с длинными черными волосами. Одет он был в вельветовые джинсы песочного цвета, белую футболку и ветровку. Прямо картинка, а не мальчик.

– Давайте же играть! – потребовал Нурик. Но мы с Юлей отмахнулись от него:

– Погоди...

– Наташа, ты знаешь его? – спросила я.

Она в ответ пожала плечами.

Мальчик не уходил, он улыбнулся и неуверенно махнул нам рукой.

– Давайте позовем его! – предложила я и сразу же приветливо махнула в ответ.

– Как сказать: иди к нам? – спросила я Наташу.

– По-французски будет... вьен, – наморщив лоб, сказала она.

– Вьен? – переспросила я. – Это значит «иди сюда»?

– А что – вьен? – вмешалась Юля. – Надо его как-то по-другому пригласить, чтобы он понял, что мы зовем его не просто так, а... – она запнулась и посмотрела на меня.

– Мы зовем его играть, – подхватила я. – Наташа, как будет – играть?

– Кажется, жу... жуэ, – ответила она.

Наши мальчишки загрустили.

Мы слишком долго совещались. Мы составляли фразу так, чтобы она была понятна мальчику. Как правильно знакомиться? Нам хотелось сказать: «Привет! Как тебя зовут? Иди к нам...» Но все это было слишком длинно, он мог неправильно понять или подумать что-нибудь не то. Мы совещались долго, я все поглядывала за забор: не ушел ли? Но мальчик терпеливо стоял там, словно ждал.

Наконец фраза была составлена.

– Вьен жуэ авек ну! – тщательно выговаривая незнакомые слова, произнесла я, повернувшись к незнакомцу.

Наташа и Юля широко улыбались и махали руками. Мальчишки, раскрыв рты, смотрели на нас и никак не могли понять, отчего это мы решили позвать чужака.

Он энергично закивал головой и сразу же подошел к нам.

– Бонжур, – мы поздоровались почти хором.

– Bonjour, – ответил он, и у него это слово вышло журчащим, легким, хотя он произнес его как бы в нос, словно был простужен.

Мы по очереди представились, называя свои имена, прижимали руки к груди, потом назвали мальчишек. Незнакомец каждый раз внимательно слушал, кивал и повторял за нами, ставя ударение на последний слог. Потом слегка склонил голову, встряхнул длинными густыми волосами и назвался:

– Венсан.

– Венсан, – подхватили мы, – это твое имя? Как красиво звучит!

Он, конечно, не понял, но, увидев наши улыбки, улыбнулся в ответ.

– Венсан, вьен жуэ авек ну, – снова повторила я заготовленную фразу.

– Уи, мерси, – поблагодарил он. Я уже знала, что «мерси» значит «спасибо». Ему не надо было объяснять правила игры, он их понял, пока наблюдал за нами. С Венсаном сразу стало веселее. Он с удовольствием поддавался малышам, особенно его забавлял Нурик. Венсан даже стал учить его правильно бросать и ловить мяч. Наташа, видимо, стеснялась нашего нового знакомого, поэтому была скована и часто пропускала мячи. Зато Юля металась как угорелая, она громко вскрикивала, охала, ахала, закрывала лицо руками и хохотала невпопад. Я же все время старалась оказаться напротив Венсана, чтоб лучше рассмотреть его. Он совсем не

походил на местного. Его имя тоже не было арабским. Но как его расспросить? Никто из нас не смог бы этого сделать. Для себя я твердо решила, что сегодня же займусь изучением французского языка.

Играли мы недолго. Скоро к ограде подошла светловолосая женщина в наброшенном на плечи белом одеянии, в таких халатах поверх одежды ходят арабские женщины. Халат укрывает тело с головы до ног, а на лице чадра – повязка, оставляющая открытыми только глаза. Но ведь то арабки, а эта женщина не была похожа на арабку, так зачем же она куталась в халат?

– Мама, – объяснил Венсан и что-то еще сказал непонятное, наверное, ему нужно было идти домой, и он попрощался. Мы разочарованно притихли. Венсан снова улыбнулся и быстрым шагом направился к воротам. И тут я увидела, что они вместе с мамой вошли в калитку соседней виллы, той самой, двухэтажной, среди деревьев. Так вот, оказывается, кто там живет!

После ухода Венсана игра разладилась. Мне хотелось поговорить с подругами, обсудить сегодняшнее знакомство. Все-таки интересно было разузнать о Венсане. Только у кого? Наташа ничего не знала о нем, хотя он жил с нами по соседству. Оставалось надеяться, что мы еще увидимся.

Дома я первым делом заявила маме, что буду учить французский язык. Мама обрадовалась, достала синий учебник, раскрыла его на первой странице и показала алфавит. Мы вместе называли буквы, причем мама все время путалась, потому что в школе она учила немецкий.

– Это ничего, – сказала мама, – папа вернется с работы и все тебе расскажет. К тому же с нами должен заниматься языком наш переводчик.

– Правда?! – обрадовалась я. – А когда?

– Вот сегодня и спросим, – пообещала мама.

Глава 4

Контрабандист

Послышался деликатный стук у черного входа, и мама, думая, что местные дети принесли на продажу яйца, не спрашивая, открыла дверь.

Увидев молодого незнакомого араба, мама не испугалась, она вообще, по-моему, ничего не боится.

– Кеске? – спросила она у пришельца. – В чем дело?

Араб словно оцепенел, несколько секунд смотрел на нее, полуоткрыв рот, затем вдруг очнулся и заговорил быстро-быстро, понизив голос до шепота. Во время своего монолога он все время указывал рукой куда-то за спину и тревожно озирался по сторонам.

– Ничего не понимаю, – сама себе сказала мама. – Кеске ву вуле? – еще раз отдельно произнесла она и перешла на русский: – Ты что, по-французски не понимаешь?

Араб в очередной раз испуганно оглянулся, с мольбой посмотрел на маму и тихо произнес:

– Же сви контрабандист...

Для убедительности он похлопал себя по большой спортивной сумке, висевшей у него через плечо:

– Пур ву...

– А, так это ты, – мама с облегчением вздохнула, она была наслышана от старожилок о приходящем в поселок торговце. Она посторонилась, и парень прошмыгнул мимо нее в образовавшийся проем.

– Бонжур, – сказал он, увидев меня.

– Бонжур, – вежливо ответила я.

Мама указала арабу на табурет у кухонного стола, он робко присел на краешек, сумку поставил на колени, положил на нее худые, маленькие, как у женщины, руки и принялся нас рассматривать. Глаза его, казавшиеся на узком темном лице особенно большими и яркими, перебежали с мамы на меня.

– Вотр фий? – спросил он у мамы.

– Да, да, дочка, Ирина, – объяснила она.

– Ирина, – произнес араб, растянув мое имя и сделав ударение на последнем слоге. Потом спохватился и представился: – Азиз, – он приложил ладонь к груди.

– Азиз? – переспросила мама.

– Уи, уи! Сава бьен! – он обрадовался. – А ву?

И взгляд его снова пробежал по маминой фигуре, сверкнул, но он мгновенно затих и уткнул глаза в пол.

– Галя, Галина, – мама слегка качнула головой, словно подтвердила свои слова.

– Галина, – выдохнул Азиз.

– Кофе будешь? – спросила мама.

– А? – Азиз встрепенулся. – Кофи? – После чего он застеснялся, и его щеки из бронзовых стали темно-кирпичными.

Мне стало интересно, и я устроилась на табуретке с другой стороны стола, наблюдать.

Не мог же Азиз знать того, что мама подкармливает всех бездомных животных и раздает детишкам булочки своего приготовления.

Между прочим, Азизу просто повезло, потому что наш Рыжий отлучился куда-то по своим собачьим делам и выпустил из виду черный вход. Иначе он просто не подпустил бы чужака к дому.

Мама сварила кофе, налила его в большую фаянсовую кружку и поставила перед незваным гостем.

Азиз удивился размеру чашечки кофе, но ничего не сказал, опустил сумку на пол и ногой задвинул ее под табурет, робко взялся за ручку кружки, поднес к губам, попытался отпить, обжегся, но кружку не поставил и сидел молча, прихлебывая кофе маленькими глотками.

Его поза и эти жадные глотки подействовали на маму, как действовал на нее всегда вид любого несчастного существа. Она, сердобольно вздохнув, пододвинула к Азизу плетенку с печеньем. Потом вернулась к плите, открыла кастрюльку и положила на тарелку несколько котлет, нарезала длинный батон хлеба толстыми ломтями; всю эту снедь она поставила перед арабом.

– Вот, манже... сильвупле...

Азиз чуть не поперхнулся кофе, потом все-таки отставил кружку и потянулся за печеньем.

– Ты мясо ешь, дурачок, – мягко приказала мама. Еще немного, и она стала бы тыкать его в тарелку носом, как несмышленного котенка.

Теперь и я увидела, что Азиз голоден; он старался изо всех сил не показывать этого, был деликатен, если можно так сказать. Но еда все-таки поглотила его целиком, он даже забыл о нас с мамой; ел он быстро, но очень аккуратно и бесшумно.

Арабы вообще могут быть неслышными. Они умеют двигаться, как призраки: возникает такой призрак перед тобой неожиданно, сначала ты его видишь и только потом – слышишь. Шумными арабы делаются только тогда, когда хотят, чтобы их заметили, или когда они пьяны, спиртное подчас доводит их до буйства.

Дорожки в поселке были засыпаны гравием, но даже дети-арабы бегали так, что не слышно было перекатывающихся под их ногами камешков.

Наконец Азиз закончил с едой, отставил тарелку, вздохнул, сказал «мерси» и снова обратил свой взгляд на маму.

– На здоровье, – ответила она.

Азиз встрепенулся, поднял с пола свою сумку, раскрыл и начал доставать оттуда всякую всячину.

– Но, но, – попыталась протестовать мама, – нам не надо.

Но Азиз, казалось, не обратил на ее слова никакого внимания. И тут я увидела, как Азиз усмехнулся, только краешками губ, но сразу же спрятал свою усмешку, словно смазал ее.

Теперь покраснела мама. Она потянулась к сувенирам.

Азиз молча следил за ее движениями: как она взяла какую-то деревянную фигурку, мельком взглянула на нее и сунула в карман платья.

Обрадованный Азиз попытался было назвать свою цену, но с мамой торговаться невозможно, она всегда платит частникам столько, сколько считает нужным. У нее даже есть свой комплект гирек, с которыми она ходит на рынок.

Азиз об этом не знал. Он побледнел, его скулы, и без того острые, теперь заострились еще больше, глаза сузились, кожа на лице стала почти серой от волнения. Он сделал попытку вернуть свой товар, рассказывал, как он, рискуя жизнью, пробирается через границу. Он то повышал голос, то снижал его до шепота, втягивал голову и озирался, показывая, как он боится пограничников. Но маму заставить расстаться с деньгами всегда было очень непросто.

– Что ты мне рассказываешь, – отмахивалась она от торговца, – да этого барахла и здесь полно, зачем через границу?!

– Но, но, мадам! – Он чуть не плакал.

Сбиваясь и путаясь во французских и арабских словах, помогая себе жестами, Азиз рассказал о том, что ему несказанно повезло с этой самой границей. Полтора километра по горам, и – Марокко. Здесь, на этой стороне, объявились иностранцы, практически отрезанные от боль-

ших городов с их огромными магазинами. А значит, у Азиза появился шанс. И он решился. Он берет у себя дома в Марокко всякий мелкий товар и продает здесь. И казалось бы, все выходит складно, правда, есть одно «но»: на границе жандармы, а у них автоматы. Жандармы злые, им нельзя жениться. Азиз тоже пока не может жениться, за невесту надо заплатить, а у Азиза на руках семья – мать и куча младших братьев и сестренки.

Поспорили – и как-то неожиданно успокоились, сошлись в цене. Прощались уже как деловые партнеры.

– Же сви камрад, – Азиз хлопал себя по груди, а мама ворчала:

– Иди, иди, камрад, много вас тут, друзей, ходит. – И, чтобы припугнуть, она сообщила, что вот-вот придет муж: – Муа мари ту свит марше а ля мезон. Так что давай, оревуар.

Азиз закивал, вскочил поспешно со стула – понял. На крыльце он снова втянул голову в плечи и огляделся: нет ли поблизости этих страшных жандармов.

– Да кому ты нужен! – подбодрила его мама.

– Оревуар, мадам, оревуар, Ирина!

Он простился и исчез. Мама закрыла дверь и вернулась в кухню.

– Мам, а зачем нам это? – спросила я, рассматривая сувениры: деревянные фигурки, брелки, открытки...

– Кто его знает, – неопределенно ответила мама.

Глава 5

Несостоявшийся конфликт

Каждое утро мы с мамой занимались по школьной программе. К полудню я освобождалась и бежала к подругам. Венсан не появлялся несколько дней. Хотя я предусмотрительно дежурила у ограды, придумывая разные игры для своих друзей. Например, я заметила, что именно за оградой растет высокая трава, а над ней летают огромные бабочки с оранжево-синими крыльями. Я таких никогда не видела. Разве что на картинках. Несколько дней мы сидели в траве и наблюдали за этими красавицами, даже пытались поймать хоть одну, но бабочки оказались на удивление быстрыми. Кажется, вот – сидит прямо перед носом, только руку протяни. Но стоило кому-нибудь из нас пошевелиться, как бабочка мгновенно взмывала с цветка, подрагивая в воздухе ослепительными крыльями. Они были похожи на маленьких птиц размером примерно с мою ладонь.

А еще Фудзия научила нас управлять осликами. Они ходили по поселку и казались ничейными, но на самом деле они кому-то принадлежали. Осликов выпускали со двора, и они паслись, где вздумается.

Фудзия взбиралась на спину ослика и кричала «Ирря!» или «Ша!». Она колотила его по бокам пятками, ослик катал ее по дороге за стеной и останавливался, когда она приказывала. Мы тоже оседлали ослика и попробовали разговаривать с ним по-арабски. У нас получилось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.